

МИНУТЫ ДЛЯ СЕБЯ

О Наде — *Общая гад.* Наденьке. *1996. - 16* Надежде *марта. - 15.*

Виктор РОЗОВ

— Кто-то думает, что сам себе заведующий. Какая наивность! Я верю в судьбу. Что даст судьба — то и будет.

Сначала судьба меня долго мяла и била. Но все же была благосклонна. Я должен был быть убит. Из всей нашей батареи осталось двое — я и медсестра, да и почти вся дивизия была уничтожена. Мне должны были ампутировать ногу выше колена. С этой мыслью я лег на операционный стол в подвале какой-то церкви. А проснулся — обе ноги со мной. Только одна толстая, в гипсе. Врач сказал: «Решили побороться за вашу ногу». Она осталась изуродованной, но живой! До тридцати шести лет судьба била и мяла. А потом вдруг осыпала дарами. Хотя что я говорю «мяла». А как я на Наденьке женился! Она меня нищего выбрала. А у нее был длинный хвост поклонников.

Я влюбился не так, как все нормальные люди. Меня позвали встречать Новый год. Я был студентом и у меня даже пиджака нет. Попросил у костюмера пиджачок — хороший человек был, дал. Пятно грима на ладконе помню. И вот иду по ночному городу. Грязный подъезд, третий этаж, звоню в дверь, открывают. Вижу сияющую елку, а на фоне ее стоит девочка. Это было как удар молнии невероятной силы. Мне был 21 год, а ей 17. В одну минуту я влюбился без ума, как Вертер у Гете.

До войны я выучился на актера. Я был плохим актером — и меня как сбило со сцены. Стал драматургом. В 36 лет на меня вдруг обрушились горы денег. Стали ставить мои пьесы, и запрещенные «Вечно живые» появились в «Современнике», а потом вышел фильм «Летят журавли».

Денег — куча, я мог Наденьке купить любую шубу. Но она не любила крутиться перед зеркалом и роскошно одеваться не любила. Она только махала руками: никогда не надену! Большая часть денег уходила на помощь родственникам. Зато уж денежная реформа не подстергла нас — потому что мы никогда ничего не копили.

Говорят, старые удачи не в счет. Как же не в счет? Да, сейчас мне много лет, сильнее болит раненная нога. Но я не жалеюсь. Я люблю свою жену, отпраздновали золотую свадьбу. Я люблю сына, дочь, внучку и внука. Я жить без них не могу. Внук появился несколько месяцев назад. И я каждый день стараюсь зайти, посмотреть на маленького, как он водит глазками, как гугукает послушать.

Мой дом — моя крепость. Если крепость хорошо устроена, защищена от внешнего мира, если семья — маленькая коргорта, то это счастье. Счастье, если переступаешь порог дома, и запах любимого капустного пирога встречает тебя в передней. Если можешь сунуть ноги в тапочки и забыть обо всем.

Можно ли быть счастливым в нынешней стране? Получается, что можно. Хотя я давно ошущаю, что живу в чужой стране. Есть родная природа, близкие друзья, семья. А страна — чужая. И единственный шанс выжить в чужой стране — построить свою крепость, построить свою семью. Так было в те далекие 30-е годы, когда мы встретились с Наденькой, то же самое — сегодня.

Пытаюсь понять: когда же за мою долгую жизнь случались времена, когда было не страшно жить, когда страна была не чужая. Наверное, в хрущевские годы и в годы перестройки. Такой был ветер свободы. А теперь осталась одна Надежда.

Записала
Екатерина ДАНИЛОВА